

ВИКТОР ГИН

ЗОЛОТОЙ ГОРШОК

(пьеса-либретто в стихах по мотивам сказки Гофмана)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВЕДУЩИЙ (или СКАЗОЧНИК)

АНСЕЛЬМ, студент

ЛИНДГОРСТ, архивариус

СЕРПЕНТИНА, его дочь

ПАУЛЬМАН, проректор

ВЕРОНИКА, его дочь

АНЖЕЛИКА, подруга Вероники

ГЕЕРБРАНД, регистратор

СТАРУХА, она же Колдунья

Духи злые и добрые (артисты балета)

ПРОЛОГ

ВЕДУЩИЙ (перед занавесом)

На свете жил студент Ансельм,
В округе всем известный тем,
Что был он неизвестен.
Ещё известен тем, что он
Был невезуч со всех сторон,
Что беден был и честен.

Он жил, мечтая каждый день
О скромном будничном труде
Без грусти и тревоги,
Как все студенты, был упрям.
Да вот он сам навстречу нам
Шагает по дороге.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

(базарная площадь)

СТАРУХА. Эй, подружки и дружки,

Покупайте пирожки –

Будет сыто брюхо.

Гору яблок налитых

За десяток золотых

Продаёт старуха!

(Ансельм спотыкается и падает на корзину с яблоками и пирожками)

Караул! Разбой! Грабёж!

От расплаты не уйдёшь!

Чтоб тебе с ума сойти!

Заплати!

(Ансельм встаёт, смущённо отряхивается, отдаёт старухе тощий кошелёк)

Чёртов сын! За это зло

Попадёшь ты под стекло!

Попадёшь ты под стекло!

Под стекло! Ха-ха-ха!

ХОР (*Эхо*) Под стекло! Стекло!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

(Ансельм останавливается передохнуть у реки возле одинокого куста бузины)

АНСЕЛЬМ. Для горя и бед я родился на свет,
И счастья звезда погасла.
Едва бутерброд направлю я в рот, -
Он падает вниз маслом.
Костюм выходной надену порой –
И тут же его испорчу.
И в обществе дам на радость чертям
Я вечно шута корчу.

Со мною груба чародейка судьба.
Да, видно, я сам – разиня.
Чёрт дёрнул меня средь белого дня
В старухину сесть корзину.
Я жалость и смех вызываю у всех.
Но разве других я хуже?
Я мог бы служить и нежно любить
И любящим быть мужем.

(Внезапно раздаётся хрустальный перезвон колокольчиков. Ансельм прислушивается к музыке природы).

ТРИО. Здесь и там по цветам
Мы взбираемся.
На цветах, на ветвях
Мы качаемся.
Скоро вечер придёт,
Солнце спрячется.
Надо нам тут и там
Подурачиться.

АНСЕЛЬМ. Странные речи под вечер.
Это, наверно, ветер:
Листьев зелёных трепет
Напоминает лепет.

ТРИО. Здесь и там по цветам
Мы взбираемся.
На цветах, на ветвях
Мы качаемся.

АНСЕЛЬМ. Странная речь раздаётся.
Это, наверно, солнце.

(Снова слышен звон колокольчиков. В тени куста перед Ансельмом – прекрасная девушка. Он смотрит в её глаза.)

ХОР. Ты слышал речь зелёного куста.
Его словам вникал ты неспроста.
Лишь тот язык природы понимает,
Кого огонь любви воспламеняет.

И золотых лучей ты слышал речь,
Едва они твоих коснулись плеч.
Лишь тот язык природы понимает,
Кого огонь любви воспламеняет.

(Солнце заходит, девушка исчезает в тени, вдали слышен звон колокольчиков)

АНСЕЛЬМ. Не уходи! Побудь со мной часок.
Я слышал твой хрустальный голосок,
Я видел блеск твоих прекрасных глаз.
Дай окунуться в них ещё хоть раз!
Ещё хоть раз!

ЭХО. Раз! Раз! Раз!..

ПРОХОЖИЙ. *(это может быть архивариус)*
Сударь, не вопите!
Идите и поспите!
Вы много выпили вина,
И вашими устами
Сейчас глаголет Сатана.

(Прохожий уходит. Ансельм медленно идёт за ним. За спиной Ансельма группа гуляющих. Это – Паульман с дочерью Вероникой и Геербранд).

ПАУЛЬМАН. Эй, господин Ансельм, как раз
Сейчас мы думали о вас. *(Ансельм подходит).*
Примите наше приглашение
Пройтись вдоль речки и назад.

АНСЕЛЬМ. Благодарю за предложенье.
Ему я в самом деле рад:
Всегда мне находиться лестно
Вблизи Вероники прелестной.

ВЕРОНИКА. Скажите, милый господин,
Что здесь вы делали один?

АНСЕЛЬМ. В тени бузинного куста
Мне было грустно и ненастно,

Как вдруг ко мне пришла мечта
В обличье девушки прекрасной.

ВЕРОНИКА (*про себя*). О боже, боже, всё пропало:
Соперницы мне только не хватало.

ПАУЛЬМАН Подумайте, что вы сейчас сказали:
Вы бредили с открытыми глазами
И верите в бессмыслицу свою.
Ансельм, я вас совсем не узнаю.
Быть может, вы сегодня нездоровы?

ГЕЕРБРАНД. Сон наяву – да что же тут такого?!
Вот я однажды плотно пообедал,-
И сам с собою долго вёл беседу.
И в этот сонный, вроде бы, момент
Я вспомнил, где лежит пропавший документ.
Не странным ли покажется вам это?

ПАУЛЬМАН. Всегда вы были чуточку поэтом.
(*Вероника смеётся*)

ГЕЕРБРАНД. Ваш смех, мадмуазель, такой кристальный.
Звучит он колокольчиком хрустальным.

АНСЕЛЬМ. Как щедро вы бросаетесь словами.
Позвольте мне не согласиться с вами.
И всё же смех Вероники чудесный.

ВЕРОНИКА. Однако, вы не очень-то любезны.

ПАУЛЬМАН. Пришла пора, милейший Геербранд,
Сказать Ансельму то, что вы хотели.

ГЕЕРБРАНД. Мой дорогой, я очень буду рад
Сказать вам об одном серьёзном деле:
Здесь, в городе у нас, живёт чужак,
Весь поглощённый тайнами науки.
Его занятие, может, не пустяк,
А, может быть, лечение от скуки.
Конечно, он причудливый старик,
Но человек приветливый и честный.
В его библиотеке много книг
И рукописей много неизвестных.
И хочет он, чтоб рукописи те
Переписал бы кто-нибудь красиво.
Конечно же, мой друг, не за спасибо,
Наслышан о его я доброте:

По талеру за день и плюс обед.
А тот, кто всю работу одолеет,
Ещё подарок получить сумеет.
Ну как, Ансельм, согласны, или нет?

АНСЕЛЬМ. Добрейший Геербранд, спасибо вам.
И завтра же к двенадцати часам
Я к старику работать побегу.

ГЕЕРБРАНД. Рад, что помочь вам чем-нибудь могу.
(Все, весело болтая, удаляются)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(Ограда дома, скрывающегося в глубине сада. Бронзовая фигура в виде дверного молотка. Появляется Ансельм. При ударах башенных часов берётся за дверной молоток. В то же время Ансельму лицо бронзовой фигуры представляется лицом Старухи-колдуньи)

СТАРУХА. Дурак! Дурак! Постой, куда идёшь?
Ты под стекло сегодня попадёшь!
Ты под стекло сегодня попадёшь!
Ты пропадёшь! Пропадёшь!

(Ансельм теряет сознание. Старуха принимает свой первоначальный вид: в её руках корзина с яблоками. Появляется Паульман. Оба хлопочут над Ансельмом. Свет гаснет. На авансцене тот же бузинный куст, что и во второй картине).

ВЕДУЩИЙ. Скажи, мой друг, мой зритель, мой читатель,
Ты в этой жизни часто ли мечтатель?
И в повседневной суетной судьбе
Бывает ли с твоей душой такое,
Что вдруг она лишается покоя,
И ты совсем не нравишься себе.
Ты чувствуешь, как много суетился
И ничего, по сути, не добился,
А ведь родился, видимо, не зря,
И в чём-то есть твоё предназначенье.
И вот душа из мрака заточенья
Спешит на свет, предчувствием горя.
Войди в мечту, без робости при этом,
Себя почувствуй богом и поэтом,
Доверься доброй сказке, хоть на час.
И в этом царстве грусти и веселья
Поверишь ты в историю Ансельма,
О ком я продолжаю свой рассказ. *(уходит)*

(К бузинному кусту подходит Ансельм, мечтательно и страстно обращается внутрь ветвей)

АНСЕЛЬМ. Была вечерняя пора, когда я в первый раз

Вот здесь увидел два костра прекрасных синих глаз.
И каждый вечер вновь и вновь спешу сюда опять:
А вдруг смогу свою любовь я снова повстречать.
Я гибну от разлуки и печали.
Навек пленён я синими очами,
И отблеск их костров всегда во мне.

О, знала б ты, как я влюблён, как дышится трудней.
Мне обещает каждый сон, что будешь ты моей.
Так неужели наяву не сбудутся мечты?
Я потому ещё живу, что где-то рядом ты.

ГОЛОС (может, архивариуса)

Кто там хнычет? Кто там хнычет?

Кто свою погибель кличет?

(Ансельм вздрагивает, оглядывается – никого. Повторяет: «Я гибну от разлуки и печали...». Появляется Линдгорст)

ЛИНДГОРСТ. Что с вами, господин студент?

Уже давно вас ждёт работа,

Но дни бегут, а вас всё нет,

Вы не приходите чего-то.

Что с вами, господин студент?

АНСЕЛЬМ. Считайте, я сошёл с ума, но посудите сами:

Я видел девушку одну с небесными глазами.

Она вот здесь передо мной впервые появилась.

Никто меня не убедит, что это мне приснилось.

Хрустальный смех её звучал, как музыка, как песня.

Клянусь, что в жизни не слышал я музыки чудесней.

Я к вам, почтенный господин, питаю уважение.

Неужто примите вы всё за плод воображенья?

ЛИНДГОРСТ. Нет, вы ума не лишены. Я вам хочу помочь.

Вы не на шутку влюблены в мою меньшую дочь,

В её небесные глаза и в смех её. Да-да!

И чтобы это доказать, прошу взглянуть сюда *(подаёт зеркальце)*.

АНСЕЛЬМ *(смотрит)*. О, чудо из чудес: моя любовь, ты здесь!

ГОЛОС (Серпентины) . Ансельм, меня ты узнаёшь?

В свою любовь ты можешь верить?

Любовь ничем нельзя измерить,

Лишь только верою в неё.

АНСЕЛЬМ. О, Серпентина, о, любовь моя,

Лишь для тебя живу на свете я!

ЛИНДГОРСТ (*убирает зеркальце*)

Ну что, мой друг, вы убедились – я не вру.

АНСЕЛЬМ. О боже мой! Я без любви её умру.

ЛИНДГОРСТ. Тогда довольно на сегодня.

Но если будет вам угодно

Работать в доме у меня,

То я смогу в течение дня

Вам позволять увидеть дочь.

Но вы совсем пропали прочь,

Хоть регистратор Геербранд

Мне говорил, что вы придёте,

Ещё три дня тому назад.

Вы не нуждаетесь в работе?

АНСЕЛЬМ. Работа очень мне нужна.

Я приходил уже однажды.

Но то ли виновата жажда,

А то ль воочию приснилось,

Но вдруг старуха мне явилась,

Старуха мерзкая одна.

Едва хотел я постучать,

Она вдруг начала кричать,

Как сто старух бы не сумели.

Очнулся я в своей постели.

ЛИНДГОРСТ. Мне эта тварь давно знакома.

И ежели она теперь у моего пасётся дома,

Мешая постучаться в дверь тому, кого хочу я видеть,

Придётся мне ей показать, как я умею ненавидеть.

Я вас прошу с собою взять вот эту жидкость. И когда

Вы вновь увидите старуху,

Плесните в нос ей, или в ухо, -

Она исчезнет без следа.

(Подает Ансельму маленький флакончик и уходит).

АНСЕЛЬМ. Что со мной происходит? Я верю в какое-то чудо.

То, что в сказках читал, стало подлинной жизнью моею.

Тень волшебного мира за мною шагает повсюду,

И я знаю, что жить по-иному уже не сумею.

Пусть безумной мечтой мудрецов я смогу распотешить, -

Не коснётся меня их обыденных мыслей рутина.

Только ты моё сердце когда-нибудь сможешь утешить,

Синеглазка моя, дорогая моя Серпентина.

(уходит)

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

(В комнате Паульман, Геербранд и Вероника)

ПАУЛЬМАН. Ансельм от рук отбился,
А лучше всех учился.
Ну как тут не сердиться?

ГЕЕРБРАНД. Не надо торопиться.
Ансельм – субъект преинтересный.
И дайте время, дайте место,
Он станет служащим проворным,
Или советником придворным.

ПАУЛЬМАН Придворным? Это слишком смело!

ГЕЕРБРАНД. Уже два дня он занят делом.
Мне архивариус вчера
Сказал, что им доволен очень.
Ещё придёт его пора,
И даже скоро, между прочим. (*уходит*)

ВЕРОНИКА. Я знала, что Ансельм умён.
И он давно в меня влюблён.
А вдруг советницей надворной
Когда-нибудь смогу я быть,
И в доме буду жить просторном
И шляпки модные носить. (*мечтает*)
Вот после завтрака в гостиной
Сажусь к раскрытому окну,
И проходящие мужчины
Глядят лишь на меня одну
И говорят «какое чудо!».
А я на них смотреть не буду:
Сейчас вот-вот Ансельм придёт.
Вот входит он, мой муж хороший,
И пару новеньких серёжек
Мне, улыбаясь, подаёт.
Серёжки нравятся, отец?

ПАУЛЬМАН. Что ж это будет, наконец?
И у тебя ансельмовы припадки.
Нет, с нервами у вас не всё в порядке.
(*вбегает подруга Вероники, Паульман выходит*)

АНЖЕЛИКА. Вероника, я рада всей душой:
Узнала я, что мой солдат живой,
Что орденом за храбрость награждён,
Что завтра навсегда вернётся он.

ВЕРОНИКА. Но как же ты узнала это?
Откройся, не держи секрета.

АНЖЕЛИКА. Мне рассказать тебе не жалко:
Старуха есть одна, гадалка.
Она на зеркале гадает и духов разных вызывает,
И, наконец, ответ даёт.
Была вчера я у неё
и всё о Викторе узнала. *(убегает)*

ВЕРОНИКА. Постой! Куда ты?.. Убежала.
А мне оставила записку *(рассматривает)*.
Старухин адрес.. Это близко.
(Задумывается. Потом решительно уходит)

КАРТИНА ПЯТАЯ

(Темнота. Звякает дверной колокольчик. К двери со свечкой проходит через сцену Старуха, впускает Веронику)

СТАРУХА. Входи, Вероника, входи,
Я жду тебя уже давно.
Ты не пугайся, что темно,
Иди за мной, не упади. *(зажигает свечи)*
Я знаю ты пришла за чем:
Тебе ответ мой нужен,
Не будет ли студент Ансельм
Твоим законным мужем.
(Вероника шарахается от испуга и удивления)
Дитя, хочу тебе добра.
Забыть его давно пора:
Он человек прескверный.
Два дня назад в лицо плеснул мне кислотой серной.
Он с благородством не знаком:
Связался с подлым стариком
И в дочь его влюбился.
Ты брось его, скорее брось.
Неужто хочешь ты всерьёз,
Чтоб на тебе женился?

ВЕРОНИКА *(решительно)*. Старуха, прекратите бред!
Я к вам пришла не для того,
Чтоб слышать, добрый, или нет Ансельм.
И я люблю его.
Постыдно с вашей стороны
Мне плохо говорить о нём.
А если на лице моём
Вам все желания видны,

То я не виновата в том.
Я так хотела, чтоб вы мне
Сумели счастье напорочить,
Но зло в крови у вас клокочет.
Ну что ж, прощайте, доброй ночи!

СТАРУХА *(падает на колени, удерживая Веронику за платье).*

Вероника, внимательней взгляни:
Ты няньку старую неужто позабыла?
Как часто я тебя в былые дни
Баюкала и на руках носила.
(Вероника узнаёт свою няньку. Старуха встаёт, обнимает её).
А твой Ансельм, того не зная сам,
Науки зла упорно постигает.
Линдгорст не зря прибрал его к рукам:
На дочери своей женить мечтает.
Линдгорст – мой враг, и рассказать о нём
Могу я очень много, да не нужно.
Но знай, что он зовётся ведуном,
А с колдуном небезопасна дружба.
Я вижу, что Ансельма любишь ты,
И чтоб твои исполнились мечты,
С тобою поделюсь большим секретом,
Но ты сама должна помочь мне в этом.

ВЕРОНИКА. Скажи мне прямо, я на всё готова,
Чтобы вернуть себе Ансельма снова.

СТАРУХА. Известно мне, что не из робких ты,
Что в детстве не боялась темноты.
Не струсил нынче, - значит, мы у цели.
Быть равноденствию на будущей неделе.
В одиннадцать часов придёшь ко мне,
И этой ночи хватит нам вполне.
Я всё, что надо, к сроку приготовлю.
Пойдём с тобой на перекрёсток в поле.
И берегись, Линдгорст, моих затей!
Ну а теперь домой беги скорей,
Да болтовнёй не замути воды.

ВЕРОНИКА. Я выручу Ансельма из беды!
(обнимает Старуху, убегает)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

(Ансельм с папкой подмышкой входит в калитку сада архивариуса Линдгорста. Дом в глубине сада.)

АНСЕЛЬМ. Вот этот дом, где ты живёшь, любовь моя.

И, может, в нём смогу тебя увидеть я.

И для того я в этот сад вошёл сейчас,

Чтоб заглянуть в твои глаза ещё хоть раз.

ЛИНДГОРСТ. *(идёт навстречу).*

Ну наконец-то, господин студент!

Весьма, весьма торжественный момент.

Чуть-чуть побудьте здесь в уединенье:

Мне надо отлучиться на мгновенье *(уходит в дом).*

ХОР. Вы очень, очень странный.

И слишком, слишком важный.

На вас парик стеклянный,

Один сапог бумажный.

Откуда вы явились, зачем так нарядились?

(Ансельм оглядывается, не понимая, откуда речь)

ЛИНДГОРСТ *(появляясь).* Что за пустая болтовня? *(в кусты)*

Прошу вас извинить меня.

Смелей входите в этот дом.

Вы будете работать в нём *(идут к дому)*

(Поворот сцены. Комната с лазурно-голубыми стенами. На столе красивый золотой горшок. Ансельм подходит к нему).

АНСЕЛЬМ. Какая дивная картина: о, Серпентина, Серпентина!

ЛИНДГОРСТ Что говорите вы, любезный?

Вы дочь мою зовёте бесполезно.

Увы, её сейчас здесь нет.

Пройдёте в этот кабинет.

(Поворот сцены: комната уставлена стеллажами с книгами, стол, кресло)

Здесь предстоит вам заниматься.

И если будете стараться,

То вам предрешиено судьбой

Работать в зале голубой *(указывает на прежнюю комнату)*

Но я желал бы убедиться,

Чему смогли вы научиться,

Способны ли, хочу я знать,

Мою работу выполнять?

АНСЕЛЬМ *(самодовольно вынимает из папки листы бумаги)*

Вот вам рисунки... Вот плакаты.

Произведён в Лауреаты я был за них в былые дни.

(Линдгорст пренебрежительно смотрит)

Но вам не нравятся они (*с горечью*).

ЛИНДГОРСТ. Мой милый господин, не скрою,
Что вы талантливы порою,
Но материал у вас дурной.
Вы здесь получите другой:
Другую тушь, другие перья (*подаёт*).
Здесь всё другое, всё иначе.
Позвольте пожелать удачи –
И покидаю вас теперь я (*уходит*).

АНСЕЛЬМ (*остаётся один, работает*)
Чудеса! И не надо совсем волноваться:
Буквы сами собой на бумагу ложатся.
Только разве бы вник я в секрет этих слов,
Если б сердцем моим не владела любовь?

ГОЛОС (*Серпентины*). Милый, я с тобою рядом.
В наше счастье верить надо,
А оно не за горой. Не тревожься, я с тобой!

АНСЕЛЬМ (*с улыбкой оглядывается – никого. Работает*)
Чудеса! Мне понятней становятся знаки,
Будто контуры их уже есть на бумаге,
Нужно только чернилами их покрывать.
Неужели умею я так рисовать? (*любуется*)

(*Сзади неслышно подходит архивариус, смотрит, как Ансельм работает. Он в царской мантши, кудри золотые перехвачены диадемой*).

ЛИНДГОРСТ. Мой юный друг, я знаю – ты влюблён.
Любовь твоя взаимна, будь спокоен.
Судьбы чудесной ты вполне достоин,
Поэтому врагами окружён.
Они хотят влюблённых разлучить,
Уже готовят дьявольские сети,
Но сами попадутся в сети эти,
И я смогу любовь благословить.
И ты горшок получишь золотой
В приданое за молодой супругой,
Коль вырвешься из вражеского круга
И дашь своим врагам последний бой.
Тебя любовь от зла убережёт,
От искушенья – внутренняя сила.
Хочу, чтоб так на самом деле было.
Смелей, мой друг, тебя победа ждёт!

(*Выводит Ансельма за дверь в сад перед крыльцом. Пока студент приходит в себя, в окне появляется архивариус в своём обычном светло-сером сюртуке*)

Господин Ансельм любезный,
Разволнованы чем вы?
Или строй арабских знаков не идёт из головы?
Завтра жду вас на работу вновь к двенадцати часам,
А сегодня хорошенько отдохнуть желаю вам (*скрывается в окне*).

АНСЕЛЬМ. Что со мной происходит? Я верю в какое-то чудо.
То, что в сказках читал, стало подлинной жизнью моею.
Тень волшебного мира за мною шагает повсюду,
И я знаю, что жить по-другому уже не сумею.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ВЕДУЩИЙ. (*на авансцене*)
Ночь равноденствия приходится на осень,
Точней, на двадцать третье сентября.
Представь, тебя по свету черти носят,
Сквозь ночь карета движется твоя.
Вдруг впереди, на дрезденской дороге,
Огонь костра, мерцающий сквозь тьму.
Ты разволнован, ты слегка в тревоге,
Но ближе, ближе движешься к нему.
Костёр драконом лёг у тьмы на страже,
И лошади упрямятся идти.
И вот выходишь ты из экипажа
И видишь две фигуры впереди.
Лицо одной в лучах огня прекрасно,
Но мертвенная бледность на щеках.
В устах её, в глазах ты видишь ясно,
Что ею в этот миг владеет страх.
А рядом – медно-красная старуха,
Лицо её костлявое в золе.
Она рычит, она хохочет глухо,
Мешая палкой варево в котле.

(Занавес поднимается. Костёр, котёл огромный на костре. Вероника с развевающимися волосами и приплясывающая Старуха-колдунья, рычащая, кричащая, хохочущая. Дым постепенно рассеивается).

СТАРУХА (*смотрит на дно котла*)

Вероника! Заклятье свершено!
Дитя моё, смотри скорей на дно,
Скажи мне, что увидеть ты смогла?

ВЕРОНИКА (*смотрит в котёл, потом протягивает руки*)
Ансельм, Ансельм, любимый, я пришла!..

СТАРУХА (*отворяет кран у котла, что-то шипит, брызгает искрами, она танцует дикий отвратительный танец*).

Вот и всё, наконец,
Ай-да я молодец!
(*Раздаётся шум ветра и громовой голос*)

ГОЛОС. Эй вы, сволочь! Ну живей!
Прочь скорее! Прочь скорей!

(*Старуха с воем падает. Тьма. Музыка*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

(*Лазурно-голубые стены, на столе золотой горшок. Письменный стол, кресло. Пальма с огромными листьями возле стола*)

ЛИНДГОРСТ. Милейший господин Ансельм,
Робели вы, а между тем
Списали рукописей массу.
Вы мне любезней час от часу.
Теперь осталось основное:
Вам нужно срисовать такое,
Что никому бы кроме вас
Я не доверил сей заказ.
Но будьте крайне осторожны:
Заказ невероятно сложный,
Вас может погубить одно,
Одно чернильное пятно,
Помарка на оригинале.
Трудиться вам вот в этой зале.
(*Подходит к пальме, срывает лист, он и есть пергамент, раскладывает его перед Ансельмом*)
Ну что же, юноша, в дорогу!
Любовь и вера вам помогут.

(*Ансельм в испуге смотрит на Линдгорста. Тот отбрасывает халат архивариуса –*

на нём снова царская мантия. Постепенно отступая в темноту, Линдгорст исчезает. Ансельм приходит в себя и начинает изучать знаки на пергаменте. Комнату наполняет чудесная музыка, хрустальные звуки колокольчика)

ГОЛОС (Серпентины). Ансельм, Ансельм, любимый мой,

Вот мы и встретились с тобой.

(появляется как бы из листьев пальмы, садится к Ансельму на кресло, обнимает и смотрит в глаза)

Скоро будешь ты моим навсегда.

Золотой горшок тебе я отдам.

Осчастливит он тебя и меня,

Если ты дождёшься этого дня.

АНСЕЛЬМ. Серпентина, мне нужна только ты.

Без тебя все краски мира пусты.

Если будем мы друг другу верны,

Нам все эти чудеса не нужны.

СЕРПЕНТИНА. Знаю я, что чудесами напугал тебя отец,

И узнать о нём всю правду ты обязан, наконец.

Я пришла тебе поведать удивительный рассказ,

Чтобы впредь не испугался ты родительских проказ.

(устраивается поудобнее)

Когда-то в волшебной стране Атлантиде

Отец мой был сыном могучего князя.

Однажды он шёл по прекрасному саду

И в чаше цветка чудо-змейку увидел

И в миг потерял он и сердце и разум.

К великому князю пришёл он с мольбою:

- Отец, разреши мне на змейке жениться!

- Мой сын, - отвечал ему князь благородный, -

Не может она стать твоею женою,

Иначе огромное горе свершится.

Ему не поверил отец мой влюблённый

И змейку свою заключил он в объятья.

Она в этом пламени страсти сгорела.

Остался от змейки лишь пепел зелёный,

Поскольку носила зелёное платье.

Разгневанный князь, Атлантиды владыка,

Изгнал бы отца моего без возврата,

Когда бы не выступил старый садовник.

Сказал он: «Ты сына совсем не губи-ка,

В его преступленье любовь виновата».

И вот мой отец стал земным человеком.

Тоска и мечта в его сердце томились:
Он больше не мог породниться с природой.
Но год шёл за годом, и век шёл за веком,
И духи земные ему подчинились.

Он в чаше цветка вновь любимую встретил,
И плод их любви – три красавицы дочки,
В зелёные платья одеты, как мама.
Весною в кустах бузины каждый вечер
Хрустальные наши звенят голосочки.

И если среди огрубевшего люда
Отыщется юноша с чистой душою
И влюбится в голос какой-нибудь змейки,
То змейка его непременно полюбит
И в царство чудес уведёт за собою.

Когда же последняя станет женою,
Тогда лишь отец мой получит прощенье -
Вот так повелел Атлантиды владыка –
И скинет тяжёлое бремя земное,
И праздновать сможет своё возвращенье.
(Серпентина горячо целует Ансельма и исчезает. Бьют часы, и студент как бы пробуждается ото сна).

АНСЕЛЬМ. Какой чудесный сон! Как долго я проспал!
Но я же ничего совсем не срисовал!
(вглядывается в лист и видит на нём знаки)
О чудо из чудес, срисован весь рассказ,
Как сына наказал страны волшебной князь.

(Входит Линдгорст в своём сюртуке, в шляпе и палкой в руках, смотрит на исписанный лист)

ЛИНДГОРСТ. У вас, мой друг, прекрасный дар.
Вы заслужили гонорар. *(подаёт ему талер. Входит Геербранд)*
Доволен очень я в душе вот этим вашим протезе.

ГЕЕРБРАНД. Я рад, что смог вам угодить.
Чертовски хочется курить,
А я не взял с собой огнива.
(Линдгорст щёлкает пальцами, сыплются искры, от которых регистратор прикуривает)
Вот это диво так уж диво!
Учитесь химии, Ансельм,
И мудрым станете совсем *(хохочет)*

(все трое уходят)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(Одна из комнат в доме Паульмана. Нарядно одетая Вероника прихорашивается у зеркала. Стук в дверь. Входят Паульман и Ансельм)

ПАУЛЬМАН.

С чего ты в таком принаряженном виде?

Каких-то гостей ожидала, поди?

А я господина Ансельма увидел

И вот предложил ему в гости зайти

(Ансельм целует руку Веронике, та вне себя от радости. Паульман выходит)

ВЕРОНИКА. Вы меня совсем забыли.

Отвечайте, где вы были?

С кем вы были, отвечайте?

Вот вам. Вот вам, получайте!

(Шутливо бьёт его веером по спине, убегает от него. Ансельм игриво бегает за ней по комнате, пока не натыкается на шкафчик, на котором замечает небольшое зеркальце. Берёт его в руки, смотрит).

АНСЕЛЬМ *(рассуждая вслух).*

Мелькают образы, картины:

Глаза Линдгорста, Серпентины,

Опять зелёная змея. А это кто? А это я!

Я на работе помешался.

Уф! Слава богу, отдышался.

Я вижу в зеркальце моём

Реальный мир, реальный дом,

Лицо Вероники прекрасной.

Ну наконец-то, всё мне ясно:

Распалась мистика, как сон,

И я в Веронику влюблён.

(Счастливо смеётся, поворачивается к Веронике, горячо целует её).

ВЕРОНИКА. Скажи скорее, друг сердечный:

Когда советником ты станешь,

Свою подругу не оставишь,

На мне ты женишься?

АНСЕЛЬМ. Конечно!

ПАУЛЬМАН *(входя).* Ну, молодёжь, прошу к обеду.

За ним продолжите беседу.

(К Ансельму) Признайтесь, было б очень глупо

Уйти и не отведать супа.

АНСЕЛЬМ. Ценю я очень вашу дружбу,

Но мне уже пора на службу.

Там в голубой прекрасной зале

Старинных знаков чудеса.

ПАУЛЬМАН. Но вы, любезный, опоздали
Уже почти на полчаса.

АНСЕЛЬМ (*мгновение в недоумении, потом решительно*)
Раз так сумел я умудриться,
Согласен: будем веселиться!
(*Вероника хлопает в ладоши, садится за стол. Входит Геербранд*)

ГЕЕРБРАНД. Привет компании честной!
Узнайте, что я взял с собой?
(*радостное оживление*)

ПАУЛЬМАН. Нам очень трудно догадаться.
Придётся, видно, вам признаться.

ГЕЕРБРАНД. Сегодня что-то ветер злится.
Нам кружка пунша пригодится.
(*Под всеобщее оживление достаёт бутылку ликёра, лимоны. Вероника выходит делать коктейли. К Ансельму*)
Ну как у вас идёт работа?
Я просто так, не для отчёта.

АНСЕЛЬМ. Спасибо, вроде, ничего.
Но там сплошное волшебство.
Там интересно и прекрасно,
И даже чуточку опасно.

ГЕЕРБРАНД. Чудной старик и непонятный,
Но в целом – человек приятный.
Я отношусь к нему с любовью.
(*Вероника вносит бокалы с пуншем*)
Давайте за его здоровье! (*пьют*)

АНСЕЛЬМ (*залпом выпивая и немного хмелея*)
Я выпить рад за этот тост.
Но архивариус Линдгорст
Не кто иной, без всяких слухов,
Как сын любимый князя духов.
И за провинность князь сердитый
Его прогнал из Атлантиды.

ПАУЛЬМАН. Несёте вы какой-то бред:
Такой страны на свете нет.

АНСЕЛЬМ.(*запальчиво*). Я знаю, что я говорю.
Она находится в раю.
Но славный господин Линдгорст

С тремя своими дочерьми
На землю изгнан, чёрт возьми,
И занимает скромный пост.
И, впрочем, дочери его –
Лишь змейки, больше ничего.
В кустах обычной бузины
Они поют по вечерам
И душу согревают нам,
Хотя не каждому видны.

ПАУЛЬМАН. Наш милый господин Ансельм
Уже порядком окосел.

ГЕЕРБРАНД. Нет, прав студент! Всё это так!
А кто не верит, тот мне враг! (*бьёт кулаком по столу*)

ПАУЛЬМАН. Вы что, взбесились, регистратор?
Вам не положено по штату
Подобно пьянице кричать
И кулаком об стол стучать!

АНСЕЛЬМ. Заткнуть нам рот не в вашей силе,
Когда вы сами – птица филин.

ПАУЛЬМАН. Я словно филин безобразный?
Да вы с ума сошли, несчастный!

ГЕЕРБРАНД (*Паульману*) А я ещё сказать посмею:
Старуха сядет вам на шею!

АНСЕЛЬМ. Старуха мерзкая сильна,
Хотя в отбросах рождена.
Её отец – перо злодея,
Мамаша – скверная свекла.
Но нелегко сражаться с нею,
Когда она – исчадьё зла.

ВЕРОНИКА. Всё клевета, всё клевета!
И вы такие сказки бросьте!
В душе Старухи нету злости.
А что касается кота,
То чёрный кот – её кузен
И настоящий джентльмен.

АНСЕЛЬМ. Линдгорст осилит их – и точка!
Меня его полюбит дочка.
Глаза у дочки, как родник.

ВЕРОНИКА. Коту их выцарапать – миг!

ПАУЛЬМАН. Всех одолеет Саламандр!

О, боже, я сошёл с ума! Брр!

Сошёл с ума! Сошёл с ума!

(Срывает с головы парик, подбрасывает к потолку, осыпая всех пудрой. Ансельм и Геербранд начинают бить стаканы, подбрасывая их с криками «виват, Саламандр!» и «Смерть Старухе!»)

Бей металлическое зеркало:

Оно всю истину коверкало!

(Разбивают зеркало. Вероника с визгом и плачем бросается на диван)

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

(Голубая гостиная в доме архивариуса Линдгорста)

АНСЕЛЬМ. Вероника сегодня мне приснилась.

В мою квартиру запросто явилась

И прошептала: «Доброй ночи, друг!»

Не отпускал я долго милых рук.

Потом она меня поцеловала,

И я проснулся. А она пропала.

Вчера я что-то глупое сказал,

И вот сейчас явился в этот зал,

Где прежде всё казалось мне прекрасным.

И что же? Я прозрел и вижу ясно,

Что ничего прекрасного здесь нет.

Противны мне и этот резкий свет,

И этой пальмы безобразный ствол,

Цветы в горшках и мой рабочий стол.

(Появляется Линдгорст, раскланивается с Ансельмом)

ЛИНДГОРСТ. Вчера вы не явились, но не страшно.

Вам, верно, пунш понравился вчерашний?

АНСЕЛЬМ. О вечеринке вам известно даже?

ЛИНДГОРСТ. Так я же сам в компании был вашей.

Сначала я, не думая о риске,

Сидел спокойно в деревянной миске.

Когда же пунш вам разум заволок,

Вы стали всё бросать под потолок,

И я тогда решил ретироваться.

Но вам пора за дело приниматься *(уходит)*.

АНСЕЛЬМ *(садится за стол с рукописями)*

Как может он нести подобный вздор?

Но я уже не прежний фантазёр.

Вот положил он предо мной листки.
На них кружки, кружочки, завитки.
Они в клубок сплетаются, однако
Нисколько не напоминают знака.
Неужто я их прежде рисовал?
А вот теперь надежду потерял.
А, впрочем, что же я трусишку корчу?
(окунает перо в чернила, и большая капля падает на оригинал)
О боже мой, оригинал испорчен!

(Свистя и шипя вылетает голубая молния и начинает в темноте змеиться по комнате, со стен поднимается густой туман, шум, похожий на бурю, пляшущие огни, василиски)

СТРАШНЫЙ ГОЛОС. Безумный! Что ты совершил?
Ты наказание заслужил!

(Туман усиливается и совсем покрывает Ансельма. Когда он рассеивается, Ансельм сидит под большим стеклянным колпаком)

ВЕДУЩИЙ. Когда бы ты, мой слушатель, мой зритель,
Однажды сон причудливый увидел,
Что хоть на миг закупорен в стекло,
Тогда бы ты сумел представить ясно,
В какой беде сейчас Ансельм несчастный,
И как ему, бедняге, тяжело.

Слепящий блеск, стеснённая свобода
И, наконец, нехватка кислорода,
И каждый нерв пронизывает боль, -
Вообрази всё это на мгновенье,
И пусть тебя твоё воображенье
Вернёт к тому, чья так несчастна роль.

АНСЕЛЬМ. О, Серпентина, милая, прости,
Что я в тебе однажды усомнился.
Меня уже не сможешь ты спасти,
Но знай, что даже к смерти на пути,
К тебе одной с мольбою обратился.
Уже не слышать больше мне твой смех,
Свет глаз твоих навеки мной потерян.
И всё же тем я искуплю свой грех,
Что я назло смертям счастливей всех:
Любви к тебе я верен! Верен! Верен!

(Из-за пальмы возникает Старуха, подходит близко к Ансельму)

СТАРУХА. Вот и попал ты под стекло
За то, что причинял мне зло.
А я тебя предупреждала.

АНСЕЛЬМ. Чтоб ты, проклятая, пропала!

СТАРУХА. Какой заносчивый мальчишка!

Но я к тебе
добра, плутишка,
Прощаю все твои проступки
И помогу тебе бежать.
Ты скоро мужем должен стать
Моей Вероники, голубки.

АНСЕЛЬМ. Оставь меня, исчадь ада!

Твоей мне помощи не надо.
Люблю я только Серпентину,
И ты Веронике скажи,
Что я отдам скорее жизнь,
Чем змейку милую покину.
Прочь, свёкла гадкая, отсюда,
Твоей добычей я не буду.

СТАРУХА. Так пропадай, коли охота,

А у меня тут есть работа.

(Сбрасывает чёрный плащ и, почти нагая, начинает кружиться по комнате, затем скрывается за дверь, откуда слышатся дикие вопли, свист, мяуканье, гуденье. Старуха возвращается, держа в руках золотой горшок, прыгает и кричит)

Я свой последний бой даю. В добрый час!

Убить зелёную змею в самый раз!

(Слышится пронзительный крик Серпентины, и в комнату врывается архивариус в царской мантии)

ЛИНДГОРСТ. Ах ты, чёртова причуда!

Погибай же, ведьма злая!

Сволочь всякую отсюда

Я живьём не выпускаю!

(Поединок сил добра и зла. Крики, вопли, мяуканье, молнии. Старуха из горшка бросает в Линдгорста огненные искры, но они опадают на землю цветами. Дикий предсмертный вопль кота. Голос Серпентины: «Спасён! Спасён!» Наконец, архивариус набрасывает на Старуху плащ, и она падает. Густой дым. Пронзительные вопли. Дым рассеивается, Линдгорст поднимает за хвостик свёклу)

ЛИНДГОРСТ *(Ансельму)*. Вот что осталось от Старухи.

А с ней погибли злые духи.

Твою бесхитростную душу

Они пытались раздвоить.

Но ты не дал любовь убить

И верность клятве не нарушил.

Ты честен был и благороден.

Так будь же счастлив и... свободен!

(Раздаётся звон хрустальных колокольчиков, вбегает Серпентина, стекло лопаётся, Ансельм почти падает в объятия любимой).

КАРТИНА ПЯТАЯ *(Гостиная в доме Паульмана)*

ПАУЛЬМАН. Ансельма на порог я не пушу.

Ему теперь я в жизни не прощу,

Что он своим безумием пытался

Лишить рассудка лучших из людей *(бьёт себя в грудь)*.

Вот регистратор в сеть его попался,

И сдвиги есть у дочери моей *(крутит пальцем у виска)*.

Но я пока держусь и никогда

Студента больше не впущу сюда.

(Входит регистратор в чёрном парадном костюме и шёлковых чулках, с большим букетом цветов. Торжественно приближается к изумлённому конректору, обнимает его).

ГЕЕРБРАНД. Вы помните, конечно, нашу встречу,

Когда я вмиг от пунша захмелел?

Хочу сказать, что в тот злосчастный вечер

Я повод для веселия имел.

Но вечер получился слишком вздорным.

Во всём, бесспорно, виноват студент.

Так вот: я стал советником надворным

И надлежащий получил патент.

(Показывает бумагу с королевской печатью)

ПАУЛЬМАН *(бормочет)*. Ах, господин надворный... Геербранд...

Советник..., регистратор..., виноват!

ГЕЕРБРАНД. Вы, только вы, почтеннейший конректор

Вдохнуть способны радость в праздник мой.

Уже давно, давно уже есть некто,

Кого люблю я втайне всей душой.

В день именин Вероники любезной

Решил я, что таиться бесполезно.

Мы с вами столько лет уже близки.

Прошу я вашей дочери руки.

ПАУЛЬМАН *(в изумлении)*. Прекрасно, господин регистр..., прекрасно.

И если будет дочь моя согласна,

И вы в согласье с нею заживёте,

То ничего я не имею против.

(Входит Вероника, как всегда расстроенная. Геербранд подходит к ней, подаёт букет вместе с маленькой коробочкой)

ВЕРОНИКА *(радостно)* Те самые серёжки. Так и знала!
Отец, ты помнишь, я их надевала?

ГЕЕРБРАНД *(обиженно)*. Да я купил их час тому назад!
Не угодил.., простите.., виноват.

(Вероника, не слушая его, с радостью примеряет серёжки)

ПАУЛЬМАН *(Веронике)*. Он стал теперь советником надворным,
Но к нам пришёл, как твой слуга покорный
И просит выйти замуж за него.

ВЕРОНИКА. Сам Бог желает, видимо, того.

Поэтому должна я согласиться.

Но прежде вам двоим хочу открыться:

Любила я Ансельма до сих пор.

Хотела я судьбе наперекор

Его у злой соперницы отбить.

К одной колдунье стала я ходить.

Она пообещала мне помочь.

И вот однажды мы в сырую ночь

Пошли на перекрёсток неспроста.

С собою взяли чёрного кота

И с помощью его костёр зажгли,

И зеркальце в котле произвели.

Мне стоило в него лишь посмотреть,

Чтоб чувствами Ансельма овладеть.

Признаться, это адское стекло

В моей борьбе мне очень помогло.

Но вдребезги разбили вы его,

Когда почти свершилось колдовство.

Всё этот пунш проклятый виноват.

Зато теперь для счастья нет преград.

(Подаёт руки Геербранду)

Колдунью съел, как свёклу, попугай.

Ансельм со змейкой попадают в рай.

А я теперь, советник милый мой,

Вам буду нежной, преданной женой.

ПАУЛЬМАН *(в ужасе)*. Какая ты, прости меня, жена?

Ах, боже, сумасшедшая она!

ГЕЕРБРАНД. Нет, милый друг. Вероника умна.

Она была всерьёз увлечена

И, может быть, в припадке увлечения

Она решила испытать уменье
Гадальщицы, которая живёт
Невдалеке от Озерных ворот.
О браке же Ансельма со змеёй
Придумано Вероникой самой.
Ей нужен поэтический мотив
Воспеть свой окончательный разрыв.

ПАУЛЬМАН (*крестится*). Безумия рассеялись микробы.
А мне казалось – вы безумны оба.
И в страхе за потомство был – а вдруг
Наследуют родительский недуг.
Тревожиться не время и не место.
Я разрешаю жениху с невестой
Поцеловать друг друга, наконец. (*целуются*).

ЭПИЛОГ

(В боковине сцены – убогая обстановка комнатки Ведущего: старый письменный стол, полки книг, кушетка)

ВЕДУЩИЙ. Читатель мой, мой слушатель, мой зритель,
Моих невинных сказок вдохновитель,
Закончил я счастливый свой рассказ,
А вот во мне как будто свет погас,
И я томлюсь, охвачен темнотою,
И думаю, а что там за чертою
Волшебных стран, и где она – черта?
И не могу придумать ни черта.
Бессилен я, хотя бы на мгновенье,
Увидеть новой жизни продолженье.
Прощай, Ансельм, мой жребий предрешён:
В ничтожность жизни вновь я погружён.

(Осторожно входит архивариус, подходит к Ведущему, заглядывает через плечо в его рукопись)

ЛИНДГОРСТ. Я знал, что вы тоскуете, мой друг.
Пришёл я скрасить грустный ваш досуг.
У нас сегодня времени избыток.
Я прихватил любимый ваш напиток (*разливает*).
Присядем-ка давайте в уголочек
И для начала отхлебнём глоточек.

(Молча пьют. По сцене разливается мягкий свет, он становится ярче, и возникает видение сада и крыльца дворца в глубине. Со стороны сада появляется Ансельм в богатом одеянии)

ХОР. О, наклонись, вдохни наш аромат.

Любой цветок тебя увидеть рад.
Лишь тот язык природы понимает,
Кого огонь любви воспламеняет.

И мы, ручьи, к тебе стремим свой бег,
И образ твой мы сохраним навек.
Лишь тот язык природы понимает,
Кого огонь любви воспламеняет.

(Ансельм идёт медленным шагом к дворцу. И вот на крыльце появляется Серпентина. Она идёт навстречу Ансельму и несёт Золотой Горшок. Он обнимает её за плечи. Музыка звучит громче, свет пылает ярче, природа празднует праздник Любви. Постепенно видение исчезает)

ВЕДУЩИЙ. Вы райский мир открыли мне искусно,
И вот теперь мне грустно, очень грустно:
Как счастлив он, Ансельм любимый мой!
Мне кажется, я только что увидел,
Как он живёт в небесной Атлантиде.
Но я, увы, в стране живу земной.

ЛИНДГОРСТ. Не по душе признание мне это:
Ведь жизнь Ансельма – это жизнь поэта,
А вы, почтенный, разве не Поэт?
Вы Атлантиду сами сочинили.
Так разве там, где только что вы были,
У вас участка собственного нет?
Вы – рядовой всего людского братства.
Но есть у вас духовное богатство.
Вы любите делиться им с людьми.
И потому вы – поводырь народа,
Вы учите гармонии с природой,
Зовёте в царство мира и любви.

(Вновь возникает видение сада. Ведущий берёт за руку Линдгорста, и оба идут навстречу Ансельму и Серпентине. Все вместе берутся за руки и выходят на авансцену под звуки заключительных аккордов).

К О Н Е Ц

Гин Виктор Борисович
Ул. Ха-нурит 102/40
96511, Иерусалим, Израиль
тел. 972-2-6437134